

НЕУТОМИМЫЙ ФАТАЛИ

МИРЗА Фатали Ахундов был среди тех деятелей прошлого, которые внесли большой вклад в пробуждение сознания угнетенных народов России. Благодаря его неумимой и многогранной деятельности изменилась социальная направленность, эстетический облик и художественные акценты азербайджанской литературы. Но до недавней поры не было крупномасштабного художественного исследования, посвященного анализу исторических и нравственных уроков жизни и борьбы М. Ф. Ахундова. Именно этой малоработанной теме посвятил свою новую повесть Чингиз Гусейнов.

Новаторство Ахундова, писателя и мыслителя, основано на опыте как национальной, так и передовой русской и французской культур. Эта ориентация на прогрессивные традиции отчетливо проявилась уже в первом произведении Ахундова — «Восточной поэме на смерть Пушкина», написанной весной 1837 года и опубликованной тогда же в Москве в переводе самого автора.

В центре художественно-исследовательской концепции повести — сложный процесс формирования борца и революционера, посвятившего себя служению народу. Однако содержание книги шире и глубже авторского замысла. Не ограничиваясь биографией героя, многие страницы повести Ч. Гусейнов отводит анализу своеобразия эпохи, раскрытию исторических судеб азербайджанского народа на фоне социально-культурной жизни всей России середины XIX века.

Достаточно обильный материал для прозы на историче-

Чингиз Гусейнов. «Неизбежность. (Повесть о Мирзе Фатали Ахундове)». Политиздат. М. 1981.

скую тему представляет собой Азербайджан эпохи Ахундова: прошло всего два десятилетия с того дня, когда «шах и царь скрепили раздел Азербайджана». Полна драматизма и парадоксов биография самого М. Ф. Ахундова. Он прошел путь от прапорщика до полковника, путь к осознанию своей роли в истории родного народа, в судьбе всего мусульманского Востока. Перед нами трагический и беспоконный образ человека, чья жизнь прошла под неусыпным оком цензуры, в душевной атмосфере наместнической канцелярии. Фатали был в центре царской политики не только в Закавказье, но и на всем Ближнем и Среднем Востоке.

«Бороться и разбудить!» — этот призыв Чадаева и Герцена уже гремит по стране, словно «колокол на башне вечевой», и предвещает крах самодержавия. Через идейные контакты, близкое знакомство с передовыми людьми пушкинской России исподволь приходит М. Ф. Ахундов к постижению исторической истины: царя одолеют не француз или англичанин, не германец, не перс или султан, а русский народ, угнетенные народы страны.

Шаг за шагом проследивает Ч. Гусейнов процесс формирования революционных взглядов своего героя, показывает его в часы горьких размышлений о тяжелой доле народа, о путях и перепутьях национальной истории. Далеко не локальная, а масштабная постановка в повести вопроса об

истоках философского мировоззрения М. Ф. Ахундова окончательно разбивает миф, который представлял его носителем механически заимствованных и утопических для Азербайджана революционно-демократических идей.

В конце повести Фатали опять одинок, трагически беспомощен. Ему не удалось разбудить Восток, его борьба с тиранией, с невежеством, против царя, шаха и султана, против мулл и церковников не увенчалась успехом. Утратившим многие иллюзии, но не разуверившимся в конечной победе сил прогресса — таким мы видим его перед смертью. Прах Ахундова остается непогребенным: не принимают тело «грешника» ни мусульманское, ни православное, ни григорианское, ни иудейское кладбища. И ему уже не жить, а смертью своей приходится продолжать бой с духовенством.

Смелость в обращении к новым изобразительным средствам, поиск неожиданных композиционных приемов всегда отличали почерк Чингиза Гусейнова. Его «размышления вслух» насыщены причудливыми ассоциациями, острыми публицистическими пассажами, элементами гротеска. Символичны и отнюдь не случайны «случайности» в творчестве Ахундова-писателя, подчеркнутые и заново осмысленные Ч. Гусейновым: и совпадение во времени борьбы колдуна, «разрушившего» Париж (и чуть ли не потопившего Петербург, от себя добавляет ав-

тор), с событиями в революционной Франции, и совпадение в именах Фон Фока («хозяина» и основателя Третьего отделения) и Франца Фока — владельца передвижного зверинца, персонажа ахундовских комедий. Глубоко симптоматично и сходство «титлованных глупцов» из окружения Шах-Аббаса и царя Николая. Художественная условность делает сюжет повести все более разветвленным по мере погружения автора в духовный мир героя. Ч. Гусейнов в едином потоке помещает порой то, что было, что есть и что будет, ибо будущее Ахундова — уже прошлое для автора.

В повести мы встречаемся с историческими лицами, в той или иной степени имевшими отношение к Ахундову. Это и Мирза Шафи, и А. Бакиханов (старшие современники Фатали), и несколько Александров (в их числе — Пушкин, Грибоедов, Бестужев), Лермонтов, Раевский...

Не хватало бы цельности и полноты духовного облика герою Ч. Гусейнова, не будь точно найденных штрихов к портрету идеально воспитанного восточного семьянина Ахундова. Правда, нельзя не отметить недостаточную разработанность чисто бытовой стороны его жизни. Стремление уплотнить текст приводит порой к фрагментарности, беглой обзорности на отдельных страницах повести.

В предисловии Чингиз Гусейнов говорит о том, что он рассказывает о жизни, однажды уже прожитой. Своим духом и содержанием повесть убеждает нас в том, что жизнь эта прожита не даром. Литературная и общественная деятельность М. Ф. Ахундова оставила глубокий след в сознании современников и является ярким примером служения делу свободы и прогресса.

Яшар КАРАЕВ

ВКУ

3 ФЕВ 1982

МОСКВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА